

A detailed illustration of a village scene. In the foreground, two children, a boy in a brown jacket and a girl in a red jacket, are walking away from the viewer down a dirt path. The path is flanked by old, wooden houses with red-tiled roofs. In the background, a tall, brick chimney stands prominently, emitting a large plume of white smoke that rises into a blue sky filled with fluffy white clouds. The scene is bathed in warm, golden light, suggesting late afternoon or early morning. The overall style is reminiscent of classic children's book illustrations.

Игорь Сулыг

Лопанье мыльных пузырей

Игорь Сульг

Лопанье мыльных пузырей

<https://litres.ru/74177003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психологический роман взросления, написанный в лучших традициях жесткого реализма и мемуарной прозы.

Эстония, конец 1960-х годов. Десятилетний Артс и его друг Калью оказываются втянуты в опасную криминальную игру с бандой хуторянина Тийта, которая пытается установить контроль над рабочими бараками Бородинской улицы. Пройдя через позор вымогательства, смертельный риск на разрушенной дымовой трубе фабрики и горькие открытия о предательстве близких, главный герой учится стоять на своём до самого конца.

Это честный, психологически выверенный рассказ о том, как мелкими шажками, через лопанье детских иллюзий и муки совести, закаляется характер и рождается человек.

Содержание

Глава 1 Вводная. Рождение страха	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Игорь Сульг

Лопанье мыльных пузырей

Глава 1 Вводная. Рождение страха

Сейчас, уже седой и согбенный под бременем пройденных лет, осознаёшь: лопанье мыльных пузырей детских иллюзий – это и есть многотрудный процесс подготовки человека к самостоятельной жизни, осуществляемый мелкими шажками каждый день, из года в год, на протяжении всего детства...

(Где-то прочитанная мысль)

Часть 1. Падение

Глава 1. Вводная. Рождение страха

1.

Давно это было, много-много лет назад, сейчас уже всё и не помнишь. Но проникая мыслью в глубину серого вещества, из памяти, как из мохнато-молочного тумана, возника-

ют далёкие образы тех давних лет. И вновь воспалённое воображение рисует перед глазами картины прошлого. Как всё же понять, что с нами случилось? Но тут и понимать ничего не нужно. Ответы на заданные ранее вопросы приходят намного позднее, и с этим надо как-то жить, потому что ничего исправить уже невозможно.

2.

Никак не могу сложить мозаику всплывавших из памяти картин: пустынный каменистый берег; бушующие белые барашки волн, растворявшиеся пеной на прибрежных камнях; пронзительные крики чаек; проплывающий вдалеке у самой кромки моря и неба белый корабль; и я, одинокий ребёнок, смотрящийся в далёкий горизонт. Дети, игравшиеся в стороне, не обращали на меня никакого внимания. Долго не оборачивался на едва слышавшие крики, доносившиеся со стороны светлого дома, пока рука женщины резко не развернула меня лицом к себе:

– Артур, ты меня не слышишь? Пошли со мной, к тебе мама приехала.

Радостные причитания какой-то женщины, назвавшейся моей мамой, и её крепкие ежеминутные объятия и поцелуи. Потом короткий полет на самолёте; витиеватые, как плавающие перины, облака в иллюминаторе, остававшиеся внизу под нами; мой внутренний страх, что можем разбиться с такой высоты. И завершающая картинка: я сижу на коленках у

новообретённой мамы, её нежные поцелуи в затылок, рядом водитель за баранкой цементовоза, жующий папиросу в зубах и перекидывающий её языком слева направо и обратно, и дымок, улетающий в приоткрытое окно. Эта картинка потому и запомнилась, что я внимательно наблюдал, как облако выпущенного дыма быстро превращалось в тонкую струю: вот оно есть, а через мгновение его уже нет.

Не так ли проходит и наша жизнь

Дальше картины теряются, словно в обволакивающем тумане исчезают призрачные корпуса уходящих в море кораблей.

Но хорошо помню себя с детсадовского возраста. Тяжёлые выходы из сна, когда покидать тёплую постель нет никакой охоты, одеваться с закрытыми глазами, ещё ловя ускользающие причудливые картины, что нам насылает ночь, и идти в морозную стынь к какому-то двухэтажному розовому дому (почему-то названному «детским садом»), рядом с заводским клубом – всё это стоит перед глазами до сих пор. Хотя свой небольшой садик этот детский дневной приют имел. Росли там несколько разноразных яблонь, высокая груша, даже слива и вишня. Был маленький огородик с грядками щавеля, укропа, морковки, стручкового лука, шикарный куст ревения с толстыми стеблями, и отдельно многоразная композиция с разными цветами, любовно обставленная известковыми камнями.

Уже в таком младенческом возрасте я воспринимал воспитательниц интуитивно, разделяя их про себя на «хороших» и «плохих». Как давалась эта оценка, сейчас сказать не могу. Наверное, человеку при рождении даётся открытый портал, через который он, как губка, вбирает все звуки, запахи и картины быта с психической энергией от соприкасавшихся с ним людей, безошибочно определяя структуру визави. Но проходит какое-то время, и у человечка, набравшегося достаточно «знаний о мире», портал закрывается. Дальше он сам плывёт по волнам жизни, и сам должен преодолевать бури и штормы, ветра и дожди, палящее солнце и морозное безмолвие.

«Хорошими» воспитателями были почти все, и в основном старшего возраста. Но с одной молодой, крашенными в иссиня-чёрный цвет волосами под каре, отношения не заладились. Чем-то я провинился, но что была за вина – не осталось в памяти, – то ли моя непоседливость, то ли непослушание на замечания воспитателя. Но в итоге я должен был попросить прощения. Такого понятия «просить прощения» в моей голове тогда не было. Не могу сказать, что был упрямым, здесь было что-то другое – скорее, демонстрация несогласия с наказанием. Я молчал, как глубоководная рыба. На что воспитательница при всех детях указала мне на угол:

– Иди, Артур, постой в углу, пока не надумаешь попро-

силь прощения!

Я стоял упорно полдня, уже девочки подходили к воспитательнице и просили за меня. Она оборачивалась ко мне:

– Артур, ты готов разговаривать? – в ответ я только кивал «нет».

– Ну тогда стой дальше.

Девочка Сирье, с которой я дружил, со слезой на глазах умоляла меня:

– Артур, поговори с тётёй воспитательницей, пусть она тебе разрешит играть.

– Не буду.

Так из угла меня и забрала домой мама. Почему-то воспитательница не переговорила с мамой о моем поведении и наказании. Возможно, что хотела своими силами, без посторонней помощи, сломить меня. На следующий день, как только переступил порог в игровую комнату, воспитательница поставила перед фактом:

– Если ты не попросишь прощения за вчерашнее, встанешь опять в угол и будешь стоять, пока не созреешь.

Я даже ничего не ответил ей, просто молча направился в угол. С перерывами на завтрак, на обед и тихий час я простоял в углу целый день. Когда ноги уставали, я садился на пол. Мальчики и девочки поочерёдно подходили ко мне, садились рядом, играли игрушками перед моими глазами, чтоб я не скучал. Я смотрел на них, желая включиться в игру, но каждый раз воспитательница отгоняла их:

– Артур наказан, поэтому с ним играть нельзя. Уходите от него! А ты, – обращалась она уже ко мне, – встань! В углу положено стоять, а не сидеть.

Вечером дома я заявил маме, что больше в детский сад не пойду. На вопрос мамы – почему, ответил, что это – не дом для детей, а дом для наказаний. Слово за слово и мама выудила из меня, что произошло. На второй день она обратилась к заведующей с просьбой разобраться с ситуацией – ребёнок полтора дня простаивает в углу – и это считается воспитанием? Та вызвала воспитательницу. Какой там случился разговор мы с мамой не слышали, так как нас попросили выйти из кабинета. Но в итоге из этой группы меня перевели в уже другую.

Может, у молодой воспитательницы опыта работы с детьми было мало, хотя и я сам, наверное, был не подарок, но сейчас, с житейских высот анализируя тот случай, прихожу к банальному выводу: у неё не хватало чувства терпимости и любви к детям.

С воспитательницей Анной всё было наоборот. Высокая худощавая женщина с неизменной улыбкой на лице осталась в моей памяти весёлой и очень доброй. Она всегда отвечала на наши бесконечные «почему», затевала с нами подвижные игры, водила в походы в заводской парк, помогала собирать упавшие разноцветные листья и нанизывать их в огром-

ную гирлянду, которую после повесили в зале, где проходили детские утренники. А зимой вместе с ней слепили огромную снежную бабу. Она даже не поленилась с кухни припасть длинной и толстой морковкой, которую воткнули носом нашему снежному произведению. Но особо запомнились сеансы с показом диафильмов. Занавешивались окна, в темноте вспыхивал фильмоскоп и лучом направленного света на белой стене возникали картинки с текстами. Тётя Анна рассказывала содержание, прокручивая ленту диафильма, а я заочно впитывал каждое её слово.

Не с тех ли времён сидит во мне всеядный киноман, не пропускающий сеансы с новинками кинематографа...

Ее смеющиеся глаза всегда лучились добротой и любовью. Но праздник не может продолжаться вечно: через год тётя Анна переехала с семьёй в другой город. После её отъезда у меня впервые на душе образовалась некая пустота. От неё нельзя было никак избавиться, почему-то чувствовал себя покинутым. Наверное, так разрываются душевные узы. И только мамины руки, перед сном гладившие меня, восстанавливали душевное равновесие.

В этом «нежном» возрасте появились первые друзья. Маргус – холёный белоручка, не желавший пачкать пальцы в песочнице, всегда тянул меня в игры в домике и на лазалках. Сирьё – пухляшка с широким лицом, неустанно следовала

за мной, приглашая общаться подальше от ребят, играть в папу и маму, что мне в скором времени надоедало.

Уже тогда подсознание делало свой правильный выбор, основываясь на схожести душ или характеров – тут и не поймёшь, почему одних мы отвергаем, а к другим тянемся с неистовой силой. Так меня тянуло к Урве – худенькой девочке с глубокими волнующими глазами, ничего от меня не требовавшей. Ее лучистые глаза с длинными ресницами завораживали и манили мой взгляд. Так случилось, что на дневной сон, в тихий послеобеденный час, наши койки несколько раз оказывались рядом. И помню, засыпали мы, глядя друг на друга и держась под одеялом за руки...

3.

Район, где мы жили, раскинулся, начиная от моста, если встать спиной к морю, справа вверх по реке Кунда. В обиходе он имел своё название – Нижний город. Наверное, потому что географически он был построен в низине, в отличие от Верхнего города, который выстроили на возвышенности. Даже улицу, которая расположилась на краю Верхнего города, так и называли: Мäе («Горная» – с эстонского). Наша улица называлась Бóрудина, но местные ребята между собой из-за созвучия слова с названием деревни, где рядом произошла знаменитая битва армий Кутузова и Наполеона, прозвали улицу Бородинó. Словами невозможно объяснить, но была какая-то внутренняя гордость от сопричастности к че-

му-то великому, когда на вопрос: «ребята, вы откуда?» – отвечали: «мы – из Бородино».

Улица состояла всего из двух длинных барakov, расположенных друг против друга. В её начале рос огромный раскидистый дуб, через несколько квартир – высокий клён, а ещё одним клёном замыкался конец улицы. На одну из высоких веток дуба привесили канат. Он был неплохим тренажёром по лазанию для мальчишек, в отличие от девочек, которые только качались на нем. За торцом барakov были сарай и огороды. Некоторые хозяйственные жители держали в сараях свиней, овец, кур и даже коров. Уже спозаранок мы слышали пение петухов. Коровы с пастухом уходили на пастбище за мост на гору, где паслись весь день.

Иногда вечерами мы играли в такую игру: услышав звон бубенчиков и протяжное мычание возвращавшихся коров, выбегали на дорогу их встречать. Пучком травы рисовали зелёную линию на асфальте и следили, переступит ли корова линию или наступит на неё. Если наступала, мы дружно обзывали корову «дурой». Удивляло, что коровы шли домой сами – никто их не сопровождал. Для нас всегда было загадкой, как они находили свой хлев?

Как-то раз случилось, что со стадом шёл старый грузный человек, которого все называли Мульк. Он жил за Бородино, на Второй линии. Линиями назывались следующие четыре

улицы в нашем микрорайоне: Первая линия, Вторая линия и так далее. Мульк был одутловатым человеком с надвинутыми на глаза мохнатыми бровями, с вечно приоткрытым ртом на постоянно небритом лице и кепочкой на коротко стриженной голове. Он шёл тяжёлым шагом, опираясь рукой на посох. Когда мы закричали на корову: «Дура-дура!», Мульк погрозил нам посохом, что-то промычал и двинулся в нашу сторону. Вся ватага в страхе разбежалась в рассыпную, и мы на долгое время не отваживались встречать стадо.

Мульк ещё сыграет свою плачевную роль в моей жизни, но это случится потом...

Вправо от моста, если стоять спиной к детскому саду, был первый городской кинотеатр (со временем здание перделали в продовольственный магазин). Но я помню тот день, когда пришёл с мамой на дневной сеанс. В первый раз я видел столько людей в одном помещении. Огромное полотно экрана завораживало белизной – я не понимал как на нём будут изображаться действия. Медленное потухание света и погружение в темноту напугали меня, я инстинктивно стал искать мамину руку. Мама погладила меня – «не бойся» прозвучало в её ласке. И вдруг луч яркого света откуда-то сверху, из-за спины, воткнулся в белый экран, и он ожил чёрно-белыми картинками. Весь фильм я не отрываясь смотрел историю любви паромщицы и танкиста, и полтора часа пролетели одним мигом. Просмотр картины оставил в душе неизгла-

димый след, и поэтому даже смерть паромщицы была мной воспринята как личное горе. Я заметил, что и мама не раз прикладывала носовой платок к глазам...

Влево от моста находилась разрушенная первая цементная фабрика, построенная ещё в далеком девятнадцатом веке. Потом, немного в стороне, теперь вправо от моста, появятся вторая и третья – уже со статусом цементного завода, – но и они будут разрушены; тогда же, в начале шестидесятых двадцатого века, построят новый, четвёртый, завод. От первой фабрики остались на виду три огромные трубы: одна, круглая по диаметру, сразу у моста, другие две – квадратные, чуть в стороне. Ещё высились многоэтажные корпуса, изящно выложенные известковым камнем, но без этажных перекрытий и без крыши, так как со временем деревянные балки со стропилами сгнили и рухнули внутрь здания, где по истечении времени превратились в труху. Там же, перед разрушенными корпусами фабрики, под спуском от моста, в низине, ютились несколько жилых домов. Сам мост был оборудован механическими затворами для регулирования потока воды – наподобие некой дамбы или плотины. Спокойное течение реки перед мостом превращалось за мостом в грохочущий водопад. Шум низвергающейся воды был слышен далеко окрест, и мы удивлялись, как могут в таком грохоте жить люди. Понимание, что человек ко всему привыкает, пришло намного-намного позже.

Рассказывали, что перед мостом кажущаяся неподвижность воды на глубине таит множество водоворотов, способных засосать человека. В стародавние времена здесь произошла трагедия, когда утонул молодой и сильный пловец, согласившийся на спор нырнуть в тихую заводь. Тело смогли вытащить только через несколько дней. Для этого вызвали водолаза и приоткрыли затвор, чтобы уменьшить уровень воды в реке. Насколько правдива была эта история – судить не могу, возможно, её рассказали во избежание наших попыток купаться в этом опасном месте...

Напротив квадратных труб находилась деревянная конюшня, сразу за ней – жилые дома с огородами и садами, а также раскинувшийся на большой территории ухоженный парк с заводским клубом и объёмными беседками. На моей памяти беседок в парке было три: одна – напротив детского сада, вторая – в глубине парка (со временем вследствие обветшалости их уничтожили), а третью – у клуба – отреставрировали.

От конюшни парк доходил до здания бывшего заводского управления, где теперь расположился заводской музей. В моё время в нём, кроме музея, на первом этаже размещалась и городская библиотека, а на втором – коммунальная контора городского хозяйства. Здание из известкового плитняка венчала деревянная башня с большими часами, стрелки которых с давних пор показывали одно и то же время –

13:20. Когда я смотрел на эти остановившиеся часы, мне часто припоминались слова мастера-часовщика из радиопьесы «Кремлёвские куранты»: «Люди их сделали, люди их поломали, люди их должны заставить ходить». Возможно, когда-нибудь часы на башне музея и будут починены, только неизвестно, сколько времени должно ещё пройти, чтобы нашёлся такой умелый часовщик.

От музея парк простирался в сторону моря вдоль улицы, где в тени высоких деревьев расположилась католическая церковь, над главными дверями которой высилось скульптурное изображение распятого на кресте Христа. Когда я впервые увидел распятого человека (пусть даже в виде символа), моя душа испытала эмоциональный шок: как могли люди применить такую зверскую пытку к своему же себе подобному существу? Это долго не укладывалось в моей голове. На здании церкви висел колокол, звон которого далеко разносился по Нижнему городу, его слышали даже на нашей улице. Примечательно, что в этой небольшой церкви был смонтирован орган.

Как-то раз с ребятами мы шли на море мимо церкви. Из распахнутых дверей храма доносилась музыка. Звуки органа были волшебны и воздушны, их возвышенный накал доходил до самой глубины души. Невольно поражённые, мы робко зашли в храм. Шла какая-то служба, в которой мы ничего не понимали, но музыка – она овладела моим сердцем без

остатка. Не помню, воздействовала ли она на ребят так же, как на меня, но для себя я сделал открытие: музыка способна вызвать слёзы. Я даже не заметил, как они навернулись на глаза, пока один из друзей не толкнул меня: пора на выход...

Но парк – это был не наш район. Мы забредали иногда на конюшню, и то с опаской – посмотреть на работяг-лошадей, приписанных к коммунальной конторе. Какую именно работу по городу они выполняли, нам было неизвестно, мы видели их только на очистке отхожих мест нашей улицы. Лошадь тащила большую крытую повозку, к боку которой был прикреплён длинный шест с черпаком. От заполненной нечистотами повозки разило неприятными запахами, но это не мешало нам каждый раз провожать до невидимой границы нашей территории и усталую лошадь, и возницу. В конюшне над каждым стойлом висела табличка с кличкой животного. Когда савраску выпрягали из повозки, она сама покорно шла в стойло, обозначенное именно её именем. Конюх только посмеивался на наши удивлённые вопросы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.